

Софья Винтер

ХРАНИТЕЛИ ПОРОГА

Между светом и тьмой

Софья Винтер

Хранители Порога

«Автор»

2026

Винтер С.

Хранители Порога / С. Винтер — «Автор», 2026

В глубинах древней Руси таится тайна, о которой знают лишь избранные. Два брата, Максим и Алексей Горские, выросли в таинственном монастыре, где постигали искусство борьбы с силами тьмы. Но трагическая гибель наставников заставляет их покинуть убежище и отправиться в опасное путешествие по России. Братья узнают шокирующую правду: их родители были частью древнего ордена хранителей, защищавших границу между миром людей и царством потусторонних существ. Теперь эта миссия ложится на их плечи. Вооружённые знаниями древних текстов, современными технологиями и боевым искусством, они вступают в борьбу с тёмными силами. От Калининграда до Владивостока, от тайги до мегаполисов братья сталкиваются с древними существами из славянских легенд: коварными русалками, могущественными лешими, мстительными домовыми. «Хранители порога» — это история о братской любви, долге и цене, которую приходится платить за защиту мира от тьмы.

© Винтер С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Софья Винтер

Хранители Порога

Глава 1

Тени под сводами

Монастырь Святого Предельного не значился ни на одной современной карте. Он прятался в глуши северных лесов, там, где туманы стелились по земле, словно живые существа, а тишина давила на виски сильнее, чем тяжесть гранитных плит. Для шестилетнего Максима и четырёхлетнего Алексея это место стало сначала тюрьмой, а потом — единственным миром, который они знали.

Их привезли с рассветом, когда лес ещё дышал ночной сыростью, а первые лучи солнца едва пробивались сквозь плотную завесу еловых ветвей. Мальчиков вынули из повозки почти без слов: только хрипкое «вылезайте» да тяжёлый вздох возницы, будто он сбрасывал с плеч не детей, а груз вины. Алексей, ещё сонный, тёр глаза кулачками и всё искал взглядом мамино платье — привычное, тёплое, в мелкий цветочек. Но рядом был только чужой мужчина в грубом сукне, да серые стены монастыря, будто выросшие прямо из мха и корней.

Максим держался прямее, хотя внутри всё сжималось от страха. Он помнил, как мама шептала ему на ухо: «Будь сильным, береги брата». И теперь, стоя перед этими мрачными воротами, он впервые по-настоящему понял, что значит «беречь».

Ворота распахнулись с протяжным скрипом, будто сам монастырь неохотно впускал новых обитателей. Внутри пахло старым деревом, ладаном и чем-то ещё — холодным, каменным, словно сама тишина здесь была пропитана веками молчания. По двору бесшумно скользили фигуры в тёмных рясах; они не смотрели на мальчиков, но Максим чувствовал на себе их взгляды, острые и внимательные, как лезвия.

К ним вышел высокий монах с лицом, изрезанным глубокими морщинами, будто каждая линия хранила чью-то чужую исповедь. Его голос звучал ровно, без тепла, но и без злобы — словно он давно привык произносить одни и те же слова для таких, как они:

— Здесь не будет криков, баловства и слёз. Здесь учатся слушать тишину и слышать в ней голос истины.

Алексей всхлипнул, и Максим тут же прижал его к себе, заслоня собой, будто мог укрыть брата даже от этого ровного, бесстрастного голоса.

— Мы не хотим здесь оставаться, — прошептал Максим, и в этом шёпоте было столько упрямства, сколько могло поместиться в шестилетнем сердце.

Монах чуть склонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что пряталось за ними.

— Вы уже здесь, — тихо ответил он. — А значит, так было суждено.

С этого дня каждый звук в монастыре казался мальчикам чужим: скрип половиц, шорох рясы по каменному полу, далёкий удар колокола, отзывавшийся в груди глухим эхом. Дни сливались в серую череду одинаковых часов, расписанных по звону. Их поселили в узкой келье под самой крышей, где ветер гудел в щелях, а тени от решётки ложились на пол, словно прутья невидимой клетки.

Но самое странное началось по ночам.

Когда монастырь затихал и даже мыши, казалось, переставали шуршать в углах, Максим замечал, как тени под сводами будто оживают. Они не просто лежали на камнях — они двигались, тянулись, сплетались в узоры, которых не могло быть в реальности. Однажды ночью

он увидел, как одна из теней скользнула по стене и замерла у двери, словно прислушиваясь к их дыханию.

Он хотел разбудить Алексея, но боялся, что брат закричит, и тогда придёт кто-то из старших монахов — тот, чьи шаги по коридору звучали особенно тяжело. Вместо этого Максим сжимал в руке маленький камешек, который подобрал у ворот в первый день: гладкий, серый, похожий на кусочек того самого камня, из которого был сложен монастырь. Этот камешек стал его тайной опорой — вещественным доказательством того, что где-то за этими стенами есть другой мир, где солнце светит ярче, а тени — просто тени.

Утром всё выглядело иначе: холод камня сменялся прохладой воздуха, а шёпот ветра — строгими голосами наставников. Мальчиков учили читать по старым фолиантам с выцветшими буквами, заставляли заучивать молитвы на незнакомом языке и стоять неподвижно, пока ноги не начинали гудеть от напряжения. Алексей быстро опускал глаза и старался стать незаметным, а Максим смотрел прямо, запоминая каждую деталь: как падает свет из узких окон, где скрипит пол, куда ведут потайные проходы, о которых шептались старшие послушники.

Однажды, когда их вели через нижний коридор — мрачный, пахнущий сыростью и древностью, — Максим заметил в стене едва заметную трещину. Она шла от пола вверх, теряясь в темноте, и в её изгибе ему почудилось что-то знакомое, будто чья-то рука когда-то провела по камню, оставляя тайный знак. Он хотел остановиться и рассмотреть поближе, но резкий окрик наставника заставил его поспешить вперёд. Однако в тот миг он понял: монастырь не просто прятал их от мира — он хранил в себе какую-то тайну, и эта трещина была её первым намёком.

Так шли дни, складываясь в недели, а недели — в месяцы. Для Алексея монастырь оставался местом, где нужно быть тихим и незаметным. Для Максима он становился лабиринтом, полным скрытых дверей и немых вопросов. И каждый раз, когда колокол отбивал очередной час, мальчик сжимал в кармане свой камешек и думал: «Мы отсюда выберемся. Я обещаю».

Однажды утром, когда туман ещё не успел рассеяться и цеплялся за монастырские стены, словно не хотел отпускать эту глушь из своего влажного плена, мальчиков повели на особый урок — не в тесную келью, где пахло воском и старой бумагой, а в подвал под трапезной. Туда редко спускались, и даже монахи говорили об этом месте вполголоса, будто боялись, что камни услышат.

— Здесь хранится память монастыря, — произнёс наставник, открывая тяжёлую дверь, от которой тянуло сыростью и вековой пылью. — Память не в словах, а в вещах. В том, что пережило поколения.

Лестница уходила вниз, теряясь в темноте. Алексей вцепился в рукав Максима так крепко, что пальцы побелели.

— Не бойся, — шепнул Максим, хотя сам чувствовал, как по спине ползёт холод, совсем не похожий на обычный подвальный холод. — Я рядом.

Внизу оказалось длинное помещение с низкими сводами. По стенам тянулись полки, уставленные потемневшими коробками, свёрнутыми свитками и странными предметами, назначение которых было непонятно. В центре стоял массивный сундук с железными накладками; его крышка была чуть приоткрыта, будто кто-то недавно заглядывал внутрь и не успел закрыть.

Наставник подошёл к сундуку и, не глядя на мальчиков, достал оттуда потрёпанную книгу в кожаном переплёте. Страницы её были не белыми, а желтоватыми, почти коричневыми, и на каждой виднелись тонкие рисунки — не цветы и не звери, а странные символы, похожие на переплетённые линии, которые будто двигались, если смотреть на них слишком долго.

— Это записи прежних настоятелей, — сказал наставник, проводя пальцем по одной из страниц, но не касаясь чернил. — В них говорится о том, как монастырь стоял на границе двух миров. О том, что тишина здесь — не просто отсутствие звуков. Она — страж.

Максим замер, вглядываясь в узоры. Ему вдруг показалось, что один из символов напоминает трещину в стене коридора — ту самую, которую он заметил раньше. Будто рисунок был не просто рисунком, а картой, оставленной кем-то специально для тех, кто умеет видеть.

Пока наставник объяснял что-то про «границу» и «порог», Максим осторожно скользнул взглядом по полкам, стараясь запомнить, где что стоит. Его взгляд зацепился за небольшой предмет в углу: металлическую пластину с выгравированными линиями. Она лежала поверх стопки старых тканей, и линии на ней повторяли те же самые узоры, что и в книге.

«Это не случайность, — подумал Максим. — Это часть чего-то большего».

Он едва заметно кивнул сам себе, и в этот момент наставник резко захлопнул книгу. Звук ударил по тишине, как удар колокола.

— Вы ничего не должны трогать, — строго сказал он, глядя прямо на Максима, будто знал, о чём тот думает. — Здесь нет места любопытству. Здесь — место послушания.

Алексей вздрогнул и отступил на шаг, почти прижавшись к стене. Максим хотел сказать что-то успокаивающее, но слова застряли в горле. Вместо этого он незаметно опустил руку в карман и сжал свой камешек — тот самый, серый, подобранный у ворот.

Когда они поднимались наверх, Максим задержался на одной из ступеней и быстро оглянулся. В полумраке ему почудилось, что тень в углу не просто лежит на полу — она чуть шевельнулась, будто прислушивалась к их шагам. На мгновение ему показалось, что в глубине подвала что-то тихо щёлкнуло, словно закрылась невидимая дверь.

После этого дня всё стало немного другим. Максим начал замечать мелочи, на которые раньше не обращал внимания: как падают тени в разное время суток, как меняется звук шагов в разных частях монастыря, где свет из узких окон ложится на пол, образуя странные узоры. Он стал запоминать коридоры, считать повороты, отмечать, где скрипят доски и где стены будто бы «дышат» — чуть заметно вибрируют, когда мимо проходят монахи.

Однажды вечером, когда Алексей уже уснул, свернувшись клубочком и прижав к себе потрёпанного тряпичного зайца, Максим достал свой камешек и положил его на подоконник. Лунный свет лёг на его гладкую поверхность, и Максиму вдруг показалось, что внутри камня мерцает тонкая серебристая линия — будто крошечная трещина, повторяющая узор той самой трещины в стене.

Он наклонился ближе, всматриваясь, и вдруг услышал тихий шёпот. Не слова — скорее, ритм, похожий на дыхание или далёкий ветер. Звук шёл не снаружи, а будто из самого камня. Или из стены. Или из тишины, которая здесь была не просто тишиной, а чем-то живым.

Максим резко отдёргнул руку и оглянулся на брата. Алексей спал, его лицо было спокойным, почти детским, несмотря на все эти серые дни. И в этот момент Максим понял: он не может позволить этому месту забрать у них всё. Не может позволить, чтобы Алексей навсегда научился быть незаметным.

«Мы отсюда выберемся, — снова подумал он, сжимая кулаки. — И я узнаю, что прячется в этих стенах».

Первые годы стёрлись из памяти, превратившись в череду холодных рассветов, запаха ладана и едкого дыма полыни. Обучение началось, когда Алексей едва научился читать, а Максим — крепко держать рукоять тренировочного меча.

Монастырь жил по законам, не допускающим ничего общего с миром людей. Пока сверстники за стенами обители учили таблицу умножения, братья Горские учились различать шёпоты.

— Слушай не ушами, а кожей, — голос отца Михаила раздавался из тени, пока Максим с завязанными глазами пытался парировать удары невидимого противника. — Существо, крадущееся за твоей спиной — кикимора из болотных топей — не издаёт звуков. Она дышит влагой. Если почувствуешь холод в затылке — бей на опережение.

Максим, стиснув зубы до боли в челюстях, разворачивался и рассекал воздух в миллиметре от чучела. Как старший, он нёс тяжёлый груз ответственности за брата. Он видел, как Алексей, обладавший пугающей интуицией, просиживал над древними фолиантами. Младший брат не просто читал — он «видел» сложный язык, находил скрытые смыслы в текстах, написанных на старославянском, смешанном с чем-то более древним и зловещим.

— Максим, — шептал Алексей однажды ночью, когда они, нарушая запрет, спустились в склеп. — Этот символ... Он не защищает. Он призывает. Почему отец Михаил учит нас призывать их?

— Чтобы знать, с чем бороться, — сухо ответил Максим, хотя внутри у него всё переворачивалось. Он превращал эмоции в хладнокровный расчёт. — Читай дальше. Нам нужно знать, как закрыть этот портал, если он откроется здесь.

Их дни проходили в бесконечном изнурении. Утро начиналось с первых петухов с молитвами, больше похожими на заклинания. Затем шла физическая подготовка. Они бегали по пересечённой местности с камнями на плечах, чтобы «укрепить дух против нечисти». Отец Михаил не жалел их. Когда Максим сбивал ноги в кровь, наставник лишь кивал на овраг, где, по легендам, обитала полуночница, способная свести с ума любого, кто замешкается.

В пятнадцать лет Максим научился разбирать автомат Калашникова с закрытыми глазами и модифицировать его серебряными пулями по чертежам из монастырских архивов. В тринадцать Алексей, увлечённый современными технологиями, которые контрабандой пронесли в монастырь редкими посетителями, освоил взлом систем защиты. Он говорил, что «цифровой код — это те же руны, только на языке машины».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.